

Юрий Тавровский: У нас очень жесткий регламент. Здесь все закрывается в 16:00, поэтому будем работать плодотворно. Спикеры наши будут говорить от восьми до 10 минут. Кто наши спикеры? Давайте пойдём слева направо.

Профессор Виноградов Андрей Владимирович, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», специалист по истории Китая. Академик Глазьев Сергей Юрьевич, тоже китаист по большому счету, потому что он осмысливает процессы, происходящие в Китае, потому что его книги переводятся и издаются в Китае.

Господин Ли Чжэн, один из столпов китайского бизнеса в России, руководитель китайской инвестиционной корпорации «Хуамин» и человек, который построил дом, в котором жил Си Цзиньпин во время недавнего визита в Москву. Впервые председатель КНР остановился в комплексе «Хуамин», это большая заслуга господина Ли Чжэна и его команды.

Андрей Иванович Денисов, заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации, но, что особенно важно для нашего круглого стола, чрезвычайный уполномоченный посол в Китае на протяжении 10 лет. Этот период новой эпохи Си Цзиньпина прошел на глазах у Андрея Ивановича.

Сергей Сергеевич Цыплаков, тоже человек, который в Китае прожил немало лет. Он был представителем «Внешэкономбанка», торгпредом и сейчас тоже занимается финансовыми исследованиями Китая, поскольку это очень важно, особенно потому, что у нас именно в области финансов бутылочные горлышки.

Если позволите, я сделаю небольшое вступление, которое я озаглавил «Китайская модернизация интересна России». Китайская модернизация рождалась через много экспериментов, некоторые из которых заканчивались плачевно. Достаточно вспомнить большой скачок. Методом проб и ошибок в Китае нашли правильную дозировку плановой и рыночной экономики, поставили взаимодействие на первый взгляд несовместимых сил под контроль эффективной сетевой структуры под названием «компартия».

Компартия не только определяет сейчас параметры экономического развития в общенациональных целях, но также предлагает цель и смысл этого развития. Сначала была выработана система под названием «реформы открытости», которая в 1980-1990-е годы вывела Поднебесную на орбиту промышленных держав. Следующая ступень под названием «социализм» с китайской спецификой вывела страну уже в число лидеров мирового сообщества.

С начала руководства Поднебесной Си Цзиньпином в 2012 году было осуществлено столько теоретических и практических корректировок, что речь пошла о новой эпохе. После XX съезда КПК объявлено о начале следующего, новейшего этапа под названием «китайская модернизация». Он призван не только гарантировать достижения к 2049 году китайской мечты о великом возрождении китайской нации, но также продемонстрировать реальность и эффективность китайской модели развития всему человечеству.

Китайская модернизация использует собственные и иностранные управленческие решения, научные достижения и технологии, а также традиционные для Поднебесной этические принципы, оттачивая новые форматы всеобщего процветания. Китайцы не навязывают никому свою модель модернизации, понимая многовариантность условий в разных частях мира. В то же время они справедливо считают основные принципы достойными изучения и подражания из-за очевидной эффективности этой модели.

Китайская модернизация стала новой реальностью для всего человечества. Она вызывает разные чувства. Неприятие успеха китайцев проявляется в понятной человеческой зависти простых людей в разных странах, но доходит и до ненависти на уровне государственной политики. Мы видим стремление США любой ценой, если не остановить, то хотя бы затормозить китайскую модернизацию.

Оценка китайской модели модернизации может принимать и другие формы. Изучать китайский опыт, попробовать применить некоторые элементы китайской модели в собственных условиях, такую цель поставили мы с вами, участники круглого стола на тему «Китай. Опыт модернизации для России». Успехов всем нам!

Я хотел бы предоставить слово академику Глазьеву, который еще несколько лет назад пришел к выводу, что в Китае создана особая модель человеческого развития. И как мы с вами знаем, несколько лет назад председатель Си Цзиньпин подтвердил эту формулировку, сказав, что «в Китае построена особая модель человеческого развития, которая, возможно, будет интересна для всего мира». Сергей Юрьевич, пожалуйста.

Сергей Глазьев: Да, спасибо, Юрий Вадимович. Юрий Вадимович сказал о сложности китайского опыта, о его уникальности, особости, но я как раз хотел остановиться на том, что же является в этом опыте универсальным и приемлемым для всех государств, которые бы хотели встроиться сегодня в новый мирохозяйственный уклад.

На самом деле Китай действительно не навязывает другим странам свои модели развития экономики и, признавая национальный суверенитет всех государств-партнеров и их право на разнообразные экономические эксперименты, политику, тем не менее все же показал не просто пример того, как надо управлять развитием экономики в современных условиях, но и заложил основы формирования нового мирохозяйственного уклада.

Рискуя высказать, может быть, спорный тезис, при том, что, конечно, Китай называет свою модель «социализм с китайской спецификой», тем не менее, если мы подойдем с управленческой точки зрения к этому феномену, то мы выявим здесь, во-первых, социалистическую идеологию близкую нам, которая отдает приоритет общественным интересам по сравнению с частными интересами. Это не пустые слова. Это на самом деле руководящий принцип для стратегического планирования. При этом государство использует механизм рыночной конкуренции для обеспечения экономической эффективности. Эти механизмы регулируются, исходя из главной цели, создания условий для повышения общественного благосостояния. И та предпринимательская частная

деятельность, которая содействует росту общественного благосостояния, всячески поддерживается, обеспечивается кредитами, в том числе по квази-нулевым процентным ставкам фактически на бесконечный период времени.

Та предпринимательская деятельность, которая ориентирована на сверхприбыль за счет дестабилизации, наоборот, пресекается. То есть рынок регулируется таким образом, что государство формирует стратегические приоритеты, частный бизнес на них ориентируется, действуют механизмы достаточно жесткой рыночной конкуренции, выигрывают те, кто эффективнее других работают. Те, кто соответствует принципам и критериям развития экономики, получают безграничную государственную поддержку. Таким образом государство создает условия для сотрудничества всех социальных групп вокруг общего критерия, повышения общественного благосостояния. Поэтому эту систему управления назвали интегральным мирохозяйственным укладом.

Выскажу, может быть, спорную мысль о том, что другой гигант, Индия, предположим, самая большая демократия в мире – Китай – самая большая в мире коммунистическая партия, а там самая большая демократия – использует аналогичный механизм стратегического планирования, рыночной конкуренции, в том числе и социалистической традиции, которая была заложена Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру. То же самое делает Вьетнам, ориентируясь на китайскую модель.

На самом деле эта модель, конечно, уникальна в том смысле, что она раньше всех сформирована была, и сформирована была в тот момент, когда мы, к сожалению, соскользнули на шоковую терапию. Мы вместе с Китаем начинали путь к рынку, но пошли абсолютно разными путями. Итог вы видите на этой картинке. Причем здесь за базу взят 2001 год, когда в России уже прошла шоковая терапия, когда уже сформировалась рыночная экономика, приватизирована была промышленность практически полностью, государство внедрило все нормы регулирования, которые были рекомендованы вашингтонскими финансовыми организациями и Европейской экономической комиссией.

Вот результат. Китай вырос в пять раз по ВВП. Мы вместе с ядром уходящего уже мирохозяйственного уклада, США и Европейским союзом, росли практически такими же темпами как они, находясь на периферии их экономики. Мы из центра предыдущего мирохозяйственного уклада скатились сразу на сырьевую периферию.

Китай построил свою, в тот момент уникальную, систему управления. Но, как я уже сказал, она на самом деле характерна для большинства стран Юго-Восточной Азии. Поэтому мы говорим о новом мирохозяйственном укладе, ядром которого является Китай, а также другие страны Юго-Восточной Азии, которые с Китаем сотрудничают, конкурируют, участвуют в одном поясе пути и совместно строят общее процветание, из игры, как китайцы говорят, не с нулевой суммой, ориентируясь на синергетический эффект.

Полностью смещается ключевой вектор международного экономического сотрудничества. Если в уходящем мирохозяйственном укладе после краха СССР главной была либеральная

глобализация, то для нового мирохозяйственного уклада главным является совместная инвестиция, сочетание конкурентных преимуществ для обеспечения взаимовыгодного, успешного экономического развития, где уважаются все права участников. Этот новый мирохозяйственный уклад намного эффективнее предыдущего, имперского, который был в двух вариантах: в советском, с директивным планированием и американским, с транснациональными корпорациями.

И в том, и в другом ядре уходящего мирохозяйственного уклада работали тоже близкие системы управления. Я остановлюсь только на одном элементе, который мы должны иметь в виду, когда говорим о возможности использования китайского опыта, а именно о главных механизмах финансирования экономического развития.

Экономисты знают, что ключом к экономическому росту является рост инвестиций. Вы видите, что китайская экономика росла быстрее всех по той причине, что норма накопления в два раза выше. Нашей страны здесь нет, она спрятана в странах развивающихся и со средними доходами. У нас тоже норма накопления ВВП порядка 20%. Мы, конечно, с такой нормой накопления добиться успеха не можем.

За счет чего был достигнут этот результат? На предыдущем слайде было показано, что если объем экономики вырос в пять раз, ВВП, то объем инвестиций вырос в семь раз в Китае, а объем кредитов вырос в восемь раз. Откуда брались кредиты в Китае? Кто финансировал экономическое развитие?

Целевая кредитная миссия, которая ориентирована была в основном на кредитование под низкие процентные ставки, инвестиции в реальный сектор экономики, в инфраструктуру, в освоение передовых технологий, дала свой результат. В Китае уровень монетизации, то есть сложность денежной системы, сегодня в два раза выше, чем в Америке и Европе. При этом не наблюдается таких финансовых пузырей как в США, не наблюдается финансовых кризисов, которые мы видим сейчас на Западе, банковских кризисов.

То есть государство регулирует управление денежным обращением в интересах экономического роста, строго следуя теореме Тобина о том, что главной целью денежных властей должно быть создание условий для роста инвестиций. Рост инвестиций автоматически означает и рост производства, и повышение эффективности, освоение новых технологий и, соответственно, снижение инфляции в долгосрочном плане.

Как это достигается? В Китае создана достаточно сложная модель организации денежного обращения. Важно понимать, что она вся ориентирована на рост производства. Здесь есть и знакомые нам элементы, эмиссия денег под покупку валюты для экспортеров, есть рефинансирование банков под обязательства предприятий, как это было в Европе, есть выкуп инвестиционных облигаций.

То есть китайцы в своей денежной системе учли практически весь мировой опыт, который был накоплен за предыдущие 100 лет. Советский опыт – эмиссия денег для кредитования инвестиций, американский опыт – эмиссия денег для финансирования дефицита бюджета

под покупку облигаций, европейский опыт – эмиссия денег под переучет векселей предприятий. И все это действует как достаточно сложная, органично-переплетенная с общей стратегией развития подсистема управления.

Она сложнее американской системы, которая сейчас переживает кризис, где деньги печатаются просто под финансирование дефицита бюджета. В четыре раза выросла денежная база доллара за последние 12 лет, но экономического роста это не дало, то есть деньги уходят в финансовые пузыри. В Китае эмиссия денег уходит в кредитование инвестиций. То же самое Европейский и Японский центральный банк.

Наша денежная политика носит вынужденный характер. Мы вообще не создаем деньги для развития экономики, ни для роста инвестиций, ни для кредитования оборотных средств предприятий. Наш Центральный банк занимался самой примитивной денежной политикой, которую только можно придумать – печатал деньги под покупку иностранной валюты в соответствии с рекомендациями МВФ.

Сейчас, когда валютные резервы у него отобрали, он вообще самоустранился фактически с рынка год назад, благодаря чему курс рубля сразу же укрепился. Как только центральный банк сняли с рынка, выяснилось, что его политика приводила к девальвации рубля и работал он, по сути, в интересах валютно-финансовых спекулянтов, прикрываясь придуманным словом, «таргетированием инфляции». На самом деле он работал в интересах получения сверхприбыли финансовых спекулянтов.

Можем мы взять китайский пример за основу? Конечно, можем. У нас есть советский опыт, который Китай использовал творчески. Надо сказать, что главное изобретение предыдущего мирохозяйственного уклада, мы его называем имперским, где советская и американская система изобрели философский камень – использование денег как инструмента для экономического развития. Деньги не как фетиш или золотые монеты, а как инструмент, который создается в тех объемах, которые нужны для кредитования экономического развития.

Вот одна из возможных схем организации такого целевого денежного предложения за счет целевой кредитной миссии Центрального банка по приоритетам, которые устанавливает правительство через уполномоченные банки со строгим контролем за целевым использованием денег. Разумеется, эта система не может висеть в воздухе, она должна быть частью стратегического управления. Денежно-кредитная политика является лишь подсистемой, и если деньги печатать, как американцы делали во время ковида, разбрасывая с вертолета, то получишь инфляцию. Деньги — это инструмент, который нужно целенаправленно использовать для кредитования развития реального сектора экономики.

Для этого нужна система стратегического планирования и управления. Она у нас формально есть, действует закон, но для того, чтобы она работала, она должна быть подкреплена механизмами целевого кредита. На этом я бы хотел заострить внимание. Мне

кажется, что без понимания этого секрета самофинансирования китайского экономического чуда мы не сможем чисто экономически понять, как это чудо сработало. Я более подробно это изложил в недавно вышедшей книге. Желающие могут ее посмотреть. «Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира». Спасибо!

Юрий Тавровский: Сергей Юрьевич, огромное спасибо! Даже мне, вашему поклоннику и читателю ваших книг, удалось услышать много нового. Спасибо огромное! Будем обдумывать сказанное вами, будем читать вашу книгу.

Андрей Иванович, ваш черед рассказать нам, что вы думаете о китайской модернизации, и можно ли нам пойти по пути к успеху.

Андрей Денисов: Уважаемый Юрий Владимирович, уважаемые коллеги, к успеху мы пойти, конечно, можем и должны. Что касается опыта китайской модернизации, это вопрос достаточно тонкий и требует, конечно, отдельного большого разговора.

Я бы с вашего позволения, оттолкнулся от истории этого процесса и вообще отношения Китая к самому понятию «модернизация», в том числе на базе собственного опыта за долгие годы жизни и работы в Китае в разные исторические периоды. Если буду изредка употреблять китайские выражения, прошу меня заранее простить, потому что наши переводы с китайским оригиналом не всегда соотносятся.

Понятие «модернизация» в его современном понимании вошло в китайский политический лексикон в конце 1970-х годов. Его появление в качестве магистральной или, если хотите, стратегической политической, экономической цели связывают с именем Дэн Сяопина. Есть версия, что эту тему он обсуждал раньше с премьером Чжоу Эньлай, который скончался в январе 1976 года, успев в 1972–1973 году вернуть Дэн Сяопина к практическому руководству правительством Китайской Народной Республики.

То, что происходило с этим понятием потом, как оно видоизменялось и наполнялось содержанием вплоть до наших дней, позволяет, на мой взгляд – я тут исключительно на собственное мнение ссылаюсь – утверждать, что модернизация – это и есть национальная идея Китая.

Замечу попутно, что у нас в кругах обществоведов, и не только обществоведов, спорят о том, что такое национальная идея, что такое национальная идея для сегодняшней России, предлагают разные рецепты. Не буду углубляться, отдельная большая тема. Но в Китае вполне оформленная национальная идея есть.

Кстати, модернизаций изначально было четыре: модернизация промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники. Я сам в 1970-е годы, помню, купил футболку с надписью во всю спину: «четыре модернизации», и долго в ней ходил, занимался спортом. Затем добавилась пятая, модернизация культуры, но в историю вошло именно это выражение, «четыре модернизации».

В свое время своего рода идейной платформой модернизации стала одна единственная формула, которая всем, кто в советское время учился в ВУЗе, очень хорошо известна, «практика – единственный критерий истины». Я вам так скажу, мы в 1970-е годы, работая в Китае, хорошие наши специалисты в посольстве, мимо этих формул просто проскакивали глазами. Понимаете, нам казалось, что это какие-то мантры. Между тем, для Китая обращение к этой формуле, «практика – единый критерий истины», оказалось поистине, как там говорят, раскрепощением сознания.

Это была идейная платформа. Она стала своего рода антитезой установки, которая в 1977–1978 годах активно продвигалась, «два если». Одно «если», если какое-то утверждение содержится в партийных документах, в решениях партии, то это истина, или если это содержится в трудах, работах председателя Мао Цзэдуна, то это тоже истина. И «практика – единственный критерий истины» пришла на смену этой установке.

Я хорошо помню 1978 год. Сначала в мае от имени партийного руководства, затем в октябре за подписью видного ученого-обществоведа, Ху Цяо Му в газетах были опубликованы установочные статьи, которые и обосновывали этот самый тезис о том, что практика – критерий истины, а вовсе никакие не «два если». Это идейная платформа.

Методологическим ключом стало знаменитое высказывание «искать истину в фактах». И китаисты, и не китаисты слово это помнят, оно употребляется давно и часто. Русло, в котором развивался процесс модернизации, политика реформ и внешней открытости, запущены в декабре 1978 года на III Пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Я хорошо помню эти дни, 18–19 декабря 1978 года. Придя на работу, открыли газеты, их тогда было в Китае всего две или три, там было опубликовано коммюнике III Пленума ЦК 11-го созыва.

И действительно, как я уже сказал выше, опытные работники посольства, люди, хорошо знающие Китай, язык, много лет проработавшие, открывали газету и закрывали ее. Ничего интересного, опять повторение, опять какие-то формулы, какая-то «практика – критерий истины» и т. д. Я немножко утрирую, но действительно, я думаю, что не только нам тогда было не очень понятно, куда все это ведет и чем это кончится.

Первым количественным ориентиром в те самые годы, конец 1970-х, применительно к модернизации стала еще одна китайская формула учетверение. Учетверение валового внутреннего продукта к 2000 году по сравнению с 1980 годом. Тоже тогда специалисты, международное китаеведение, я не помню, чтобы хоть кто-то высказался тогда, что это вполне реализуемо, это может быть достигнуто. Оказалось, что может, притом значительно раньше, чем 2000 год. Только что Сергей Юрьевич нам показывал диаграмму второго 20-летия реформ от 2000-го до 2021-го, там уже почти в пять раз, как мы видим, рост валового внутреннего продукта.

Надо подчеркнуть, что основные практические решения, в том числе кардинального характера, были выверенными и, что особенно важно, сначала проверялись опытным путем и лишь потом запускались в серию в зависимости от результата. Вы знаете, как в

одной из своих работ указывал Владимир Яковлевич Портяков, специалист по китайской экономике, именно обязательная отработка на каких-то опытных площадках того или иного решения, которое затем распространялось в национальном масштабе, может быть, один из основных моментов китайской практики реформирования экономики, который нам, да и не только нам, кому угодно, можно было бы заимствовать.

Показательна история наработки приемов открытой политики через первые четыре специальные экономические зоны. Об этом много написано в нашей литературе, не буду углубляться. Но другой наглядный пример мне кажется даже более показательным. Это так называемый «семейный подряд» в сельском хозяйстве. Внешне история появления этой формы хозяйствования подавалась как «живое творчество масс».

Декабрь 1978 года, вечер, 18 крестьян из производственной бригады Сяоган, народной коммуны Лиюань, в уезде Фэнъян провинции Аньхой собрались вечером и за чашкой чая приняли решение разделить производственные задания по дворам с правом продавать излишки на рынке. Есть музей, есть памятник этим крестьянам в натуральную величину. Все это есть.

Форм семейного подряда было много.. Вряд ли крестьяне за чаем в декабре 1978 года могли все это дело предвидеть. И вот уже в новейшее время, недавно, подтвердилось, что на самом деле за этой моделью внедрения, по сути, Ленинского НЭПа, замены продразверстки продналогом, стояли серьезные исследования, обсчеты, социологические опросы большой группы ученых и партийных работников во главе с видным экономистом-аграрником, он умер три года назад, академиком Ду Жуньшэн.

Я вспоминаю собственные аспирантские годы, один мой старший научный товарищ говорил так: «Если какая-то хозяйственная форма хорошо себя проявила на этапе раннего феодализма, то вполне возможно, что и в условиях социалистической экономики она тоже сработает». Он сравнивал семейный подряд с римским колонатом.

А в общем, уж извините за это отступление, говорят, что в мировой литературе есть где-то 10, 12 или 15, не знаю сколько, но по пальцам можно пересчитать, базовых сюжетов, на которых вся мировая литература и зиждется. То же самое и в экономике. В конце концов, перечень хозяйственных форм не так и велик. Очень важно, и в Китае это прежде всего и сработало, выбрать те, которые в максимальной степени подходят к специфике, то, что называется «поймать ветер в паруса».

Этот образ, кстати, употребил Владимир Владимирович Путин, если мы помним, в одной из статей о модернизации нашей экономики. Уже давняя статья, но там как раз и говорилось о том, что нам надо поймать ветер китайских реформ в паруса нашей экономики.

Итак, идея модернизации успешно реализовывалась в Китае все истекшие 40 лет с небольшим. Конечно, с издержками, с попятными движениями – все это хорошо описано – но в целом успешно. Результат известен. И новая книга, о которой только что сказал

Сергей Юрьевич, так и называется «Китайское экономическое чудо», действительно, в масштабах мировой экономики, наверное, второго такого опыта столь длительного успешного процесса подъема экономики нет, и я думаю, вряд ли будет.

На завершающем этапе этого процесса, этого исторического периода, я беру 40 с небольшим лет истории китайских реформ, были реализованы две масштабные стратегические установки. Достижение средней зажиточности, так называемый Сяокан. По-разному переводят – малого достатка, среднего достатка, средней зажиточности. По-английски – moderate prosperity, мне кажется, английский перевод лучше нашего. И второй – это ликвидация бедности, Топинь. И что характерно, этим двум достижениям, связанным непосредственно с именем председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, был придан поистине судьбоносный характер через образ так называемого первого 100-летнего юбилея, 100-летия Компартии Китая.

Она была создана в 1921 году, стало быть, в 2021 году — два года назад первого июля ей исполнилось 100 лет. Вот к этому времени партия, правящая политическая сила в Китае, отrapпортовала о решении этих двух поистине, я еще раз повторяю, судьбоносных для Китая задач. Причем, если следовать китайской, такой традиционной уходящей в глубокую древность периодизации истории и периодизации социального прогресса, то после сяо кан, то есть среднего достатка, открывается путь к следующей ступени общественного развития — это, у нас он переводится как «великая гармония», да тун.

В общем, Китаю до великой гармонии осталось недалеко. На отдаленном горизонте появилось, по сути, конечная цель модернизации Китая — выход в число ведущих государств мира ко второму столетнему китайскому юбилею, а именно столетию Китайской Народной Республики. Это 2049 год. Обозначился и промежуточный рубеж — 2035 год, когда должна быть завершена всесторонняя модернизация основных сфер жизни китайского общества. Ни у одной страны мира такого рода стратегических программ модернизации, насколько я знаю, нет. Некоторые специалисты, кстати, напоминают и о других столетиях, прежде всего столетнем юбилее Народно-освободительной армии Китая. Это 1927-2027 год. Ну я невоенный человек, но, по-моему, вооруженные силы Китайской Народной Республики уже достигли очень высокого уровня развития, остались лишь сравняться с Соединенными Штатами по ракетно-ядерному потенциалу. Ну это отдельная тема. Я не сомневаюсь, что если эта цель будет поставлена, то будет реализована.

Коллеги, не задерживаясь, сознательно не задерживаясь на всякого рода трудностях и ограничителях процесса модернизации Китая — и внутренних, и особенно внешних, как это проявляется сегодня. Они ведь хорошо известны, понятны и специалистам, и что более важно — понятны руководству Китая. И «черные лебеди», и «белые носороги» пресловутые, которых, кстати сказать, Си Цзиньпин, вообще его речь, политическая речь — очень образная с цитатами из классической литературы, из древних философов, из истории Китая. Вот он употребил оба этих термина: и лебеди, и носороги — в своем докладе,

рабочем докладе к XX съезду Компартии осенью прошлого года. Но вот уже сейчас, основываясь на достигнутом, Китай предлагает другим странам китайский тип модернизации. Меня больше устраивает слово «тип», а не «стиль», потому что на английский перевели как style, Chinese style. Но все-таки джунгоши синь дай хуа, мне кажется, что все-таки это тип, китайский тип модернизации. Предлагается другим странам. Не навязывается, об этом говорит Юрий Владимирович, но предлагается как вариант, как некая антитеза, утверждается, что он больше подходит развивающимся странам, чем пресловутый порядок, основанный на правилах. И вообще, как напоминают китайские коллеги, модернизация вовсе не тождественна вестернизации. Это и нам тоже полезно иметь в виду. Тем более что в этой конструкции, предлагаемой Китаем, нет места навязываемым США, причем всё более настойчиво, открытого деления мира на демократии и автократии. Вот уж с этим-то точно не могу согласиться, в том числе и потому, что в автократии как синоним зла — помните «империю зла» Рейгана — записывают и нас.

В заключение просто цитата. Цитата из выступления вновь назначенного не так давно министра иностранных дел Китайской Народной Республики Синь Гана на традиционной пресс-конференции, которая всегда проводится в дни работы парламента в марте. Вот на недавней первой сессии ВСНП нового созыва. Итак, цитата: «Китайская модернизация предлагает решение многих проблем, стоящих перед развитием человечества, создает новую форму человеческой цивилизации». Кавычки закрыты, спасибо за внимание.

Юрий Тавровский: Большое спасибо, Андрей Иванович. Опыт и мудрость Андрея Ивановича сейчас особенно должны быть востребованы нашей правящей элитой.

Поскольку мы с Китаем после встречи Си Цзиньпина и Путина, вступаем вот в этот период боевого славивания, как его называют, то есть стратегическое партнерство переходит на новый этап более тесного сотрудничества, поскольку усиливается давление на наши две страны, а в наших элитах, к сожалению, специалистов по Востоку, специалистов по Китаю трагически не хватает. Их практически нет. Поэтому особенно важно то, что думает и говорит Андрей Иванович, то, что он пишет, и будем надеяться, что мы еще не раз услышим его слова. Я хотел бы передать микрофон господину Ли Чжэну, который является маяком, я бы сказал, китайского бизнеса в России, человек, который провел здесь не один год, имеет великолепный опыт взаимодействия с российским бизнесом. Я думаю, что у него есть своя точка зрения о возможности применения китайского опыта в России.

Ли Чжэн: Спасибо вам большое. Позвольте, я на китайском языке буду выступать со своей речью.

Юрий Тавровский: Я боюсь, что у нас нет синхрониста.

Мужчина: Есть, работает.

Юрий Тавровский: Есть, да? О! Я не знал.

Ли Чжэн: Спасибо.

Мужчина: Говорит по-китайски. К сожалению, переводчики не владеют китайским языком. Оказывается, переводчик на английский. Китайского перевода нет.

Ли Чжэн: Тогда давайте я на русском. Спасибо. Заранее извините, пожалуйста, у меня русского языка не очень. Спасибо большое. Ну еще раз, уважаемый модератор, уважаемые гости, добрый день. Для меня большая честь участвовать в этом круглом столе в качестве представителя китайской компании «Хуа Минь». Тема сегодняшней встречи касается обеда, модернизации Китая для России, меня также очень интересует этот вопрос. Позвольте мне высказать свое личное мнение. С тех пор как Китай начал политику реформ и открытости в 1978 году, после более чем 40 лет комплексного строительства и быстрого развития национальная экономика добилась больших успехов, которые привлекли внимание всего мира.

В 2022 году на основе глубокого анализа достижений Китая в области развития за последние 40 лет Коммунистическая партия Китая подвела итоги экономического и социального развития Китая и впервые предложила концепцию и опыт развития, модернизации по китайскому типу. Это в основе включает в себя то, что социальное развитие Китая основано на огромном количестве населения. В действительности то, что преследует Китай, является целью общего процветания для всех людей. Он должен способствовать скоординированному развитию материальной и духовной цивилизации. Он должен занимать важное место в гармоничном сосуществовании человека и природы. И идти по пути мирного развития в своих внешних отношениях. Китай всегда предавал большое значение поиску «путь — развитие», основанному на собственных национальных условиях с учетом культурной традиции и экономических преимуществ.

Китайское правительство придает большое значение средствам существования и благополучия людей, решает проблему несправедливости и социального распределения, стремится избежать и делает упор на устойчивое развитие и «зеленую» энергетику и промышленность. Китай всегда был привержен в установлении дружественных отношений со всеми странами мира на основе взаимного уважения и равного общения. А также соответствие посторонним обществам с единой судьбой в международных отношениях.

Россия является крупнейшим соседом Китая. Две страны имеют общую границу протяженностью более чем 4300 километров. И правительство, и китайские компании всегда придавали большое значение развитию отношений с Россией. Не так давно председатель Си Цзиньпин посетил Россию с первым зарубежным визитом после переизбрания председателя КНР, что еще продемонстрировало твердую решительность, что Китай содействует развитию двусторонних отношений. Он лично сказал президенту Путину, что развитие китайско-российских отношений до сегодняшнего дня имеют свою глубокую историческую логику. Общее направление, укрепление стратегического сотрудничества между Китаем и Россией остается неизбежным. Китай и Россия должны дальше углублять практическое сотрудничество в разных областях. Помогать нашим странам развиваться и возрождаться. Быть опорой мира и стабильности во всем мире.

Мы рады видеть, что наши российские партнеры так же придают большое значение сотрудничеству с Китаем. Особенно в последние годы все чаще звучат голоса о смещении политики России на Восток и дальнейшее укрепление российско-китайского сотрудничества. Реальность жизни так же подтвердила необходимость этого решения. Мы надеемся, что процесс модернизации в Китае может стать полезным опытом для России. Как вы все знаете, когда председатель Си Цзиньпин посетил Россию, он остановился в гостинице «Салюкс Отель Москва», которая является первой пятизвездочной гостиницей, построенной и управляемой Китаем в России. Гостиница «Салюкс Отель Москва» является важной частью китайского делового центра в Москве. Мы предоставляем комплексные услуги, такие как размещение в номерах, питание, использование автомобилей и обеспечение отличных приемов всем членам делегаций. В московском китайском деловом центре также есть и китайский сад, и аутентичные здания, которые в бассейне в полной мере демонстрируют неповторимое очарование традиционной китайской культуры. Основной целью строительства китайского делового центра в Москве является всестороннее продвижение китайско-российского практического сотрудничества и превращение его в инфраструктурный выставочный торговый центр и сервисный центр для сотрудничества в различных областях, таких как экономика, торговля и гуманитарные науки между двумя странами.

Компания «Хуа Минь» готова играть активную роль в этом процессе. Мы приглашаем друзей из Китая и из России посетить и в полной мере пользоваться этой новой проформой, чтобы внести большой вклад в развитие китайско-российских экономических и торговых отношений. Спасибо вам всем. Спасибо за внимание.

Юрий Тавровский: Спасибо, господин...

Ли Чжэн: Извините.

Юрий Тавровский: Это вы извините, я приношу вам извинение как модератор, что я не уточнил, на каком языке вы будете выступать, но вы справились с трудностью блестяще. Спасибо вам большое. И я хотел бы выделить мысль одну из выступления коллеги Ли Чжэна о том, что начинается вот этот переход ко всеобщему благоденствию, к справедливости в Китае. Именно после XX съезда партия сделала акцент на этом. Понимаете, с производством общественного блага, общественных богатств в Китае всё в порядке. Мы все это знаем, это во всем мире знают. А вот с распределением. Еще после XIX съезда был выдвинут лозунг «Не забывать о первоначальных целях Коммунистической партии». То есть о социализме. И за пять лет между двумя съездами было сделано много, но вот на XX съезде был тезис о всеобщем благоденствии, благосостоянии, он был провозглашен политикой партии. Вот смотрите, за 10 лет правления Си Цзиньпина китайцам удалось победить бедность. В тот момент, когда он пришел к власти, в Китае было 99 миллионов людей, которые жили ниже уровня бедности по ооновской классификации. И через 10 лет эта цифра равнялась нулю.

За это время в Китае появился средний класс численностью где-то 400 миллионов человек. Но в Китае оставалось 600 миллионов человек, которые живут на тысячу юаней в месяц. Тысяча юаней — это где-то 10 тысяч рублей в месяц. Это бедно, но это не нищета. И вот теперь после XX съезда поставлена задача увеличить в два раза подушевые доходы в Китае, одновременно не забывая об увеличении ВВП в два раза, и качественное улучшение качества жизни. Вот я думаю, что это — то, что заслуживает очень большого нашего изучения китайского опыта, потому что у нас 10,5% населения живет ниже уровня бедности, это позор для государства в конституции которого записано, что это социальное государство. Так что нам предстоит еще много чего изучить из китайского опыта и постараться применить. Теперь я хотел бы передать эстафету профессору Виноградову, специалисту по китайской истории, главному редактору журнала «Проблемы Дальнего Востока», главного китаистического журнала нашей страны.

Андрей Виноградов: Большое спасибо Юрию Вадимовичу. Уважаемые коллеги! В октябре 1978 года Дэн Сяопин возвращался из Японии на родину, в Пекин. И совершил остановку в Северной Корее. И там на встрече с Ким Ир Сенем он поделился своими впечатлениями об этой поездке в Японию и сказал: «Модернизация всё время разная. В 50-е годы это была одна, в 60-е — другая, в 70-е — третья». И вот на рубеже 80-х годов Китай стал активно изучать западный опыт и позаимствовал из этого западного опыта идею рыночной экономики. Вот идея рыночной экономики считается ключом к китайскому экономическому чуду. Почему? Потому что она позволила соединить главные конкурентные преимущества Китая — дешевую рабочую силу — с зарубежными инвестициями, технологиями, природными ресурсами и рынками.

И вот в результате этого Китай стал второй экономической державой мира. А если считать по ППС, то уже давно и первой экономикой мира.

Можно ли использовать китайский опыт? Если да, то как? На самом деле, этот вопрос такой нериторический, потому что в мире существует много стран, где тоже большая и дешевая рабочая сила, однако результаты не те. В чем причина? Китай, когда начинал реформы, он учился... Да, кстати говоря, продолжу эту традицию китаеведческую, Си Цзиньпин — это иероглиф, его фамильный иероглиф означает «учиться». Учиться и повторять. Так значит, Китай тоже учился. Но никогда не копировал. Почему? Потому что он никогда не терял субъектности и никогда не терял своей идентичности. И в результате он использовал чужой опыт для того, чтобы понимать, понять, какое конкурентное преимущество у него есть и как пользоваться этим конкурентным преимуществом. В результате он создал экономическую систему, которая объединила, как казалось на тот момент, где-то в конце прошлого века, в 90-е годы, несовместимой — рыночную экономику, сильное государство и идею социальной справедливости.

Если посмотреть на китайскую модернизацию в целом, то мы увидим, что ее успех был обусловлен прежде всего правильными политическими решениями. В 60-е годы политика была направлена на увеличение темпов экономического роста, где-то в середине 2000-х

КПК стало больше уделять внимание социальной справедливости, потом это органично переросло в борьбу с коррупцией, вот сейчас мы видим новый поворот: китайское правительство больше уделяет внимание развитию науки и техники, обеспечению государственной национальной безопасности и экономической эффективности и вообще эффективности государства.

В Китае говорят, что все успехи достигнуты благодаря Коммунистической партии. Ну на самом деле, с этим трудно поспорить, но все-таки это недостаточно полное объяснение. Важно знать детали. И вот, на мой взгляд, какие элементы составляют политическую формулу китайского чуда: первое — это отбор чиновников. В Китае по-прежнему кадры решают всё. Невозможно представить ситуацию, когда на государственном посту или даже на рядовой административной должности может оказаться случайный человек. На неответственных, а тем более на ответственных, а тем более на руководящих постах могут оказаться, конечно, и нечестные, и беспринципные люди, с такими в Китае борются. Но непрофессиональных людей на государственных постах в Китае практически нет. Система выстроена таким образом, что даже на самую маленькую должность не могут назначить случайного человека только потому, что он с кем-то учился, с кем-то ходил в кружок в Дом пионеров и так далее. Я уже не говорю о родственных связях. В Китае это запрещено на государственном уровне, на уровне закона. При назначении на любой руководящий пост Китая не руководствуются, как это иногда бывает, принципом «ничего страшного — справится».

В Китае выбирают, назначают на любой государственный пост, на любую должность не просто кого-то, не того, кто справится, а тот, кто сделает это лучше всех. Постоянно идет позитивная селекция государственных чиновников. И главный критерий для чиновника любого уровня — это максимальный вклад в конечный результат. Это всё легко проверяется, потому что в Китае существует система персональной ответственности. Система персональной ответственности действует. Потому что если человек не справляется, то его увольняют, если он совершает ошибки, и серьезные ошибки, то его привлекают к ответственности. В Китае последовательно воспитывают профессионалов для решения управленческих задач разного уровня сложности. И чтобы эта система действовала нужна система контроля. В Китае в 2018 году была создана четвертая конституционная власть — контрольно-надзорная — она была создана в дополнение к уже существующей системе партийных комитетов, которые следят по системе партийного контроля, к министерству контроля, к прокуратуре, к правоохранительным органам и так далее. Таким образом, китайское государство эффективно, потому что там нет случайных людей, которые появляются из ниоткуда и уходят в никуда. Это первая причина.

Вторая причина. В государстве есть стратегия развития и ясное понимание целей. Я вообще считаю, что Китай — это последнее в мире государство, где сохранилась еще стратегическая культура. В Китае не просто планируют развитие, в Китае ставят долгосрочные цели. На 10, 20, 50 и даже на 100 лет. И все эти цели, однажды поставленные,

должны быть выполнены — смотри предыдущий пункт. Конечно, можно сказать, что это влияние Компартии и коммунистической идеологии, традиционной китайской бюрократии. Но в конце концов неважно, в чем причина, полезному не грех и поучиться. Как говорил Дэн Сяопин, «белая кошка, черная кошка; если ловит мышей, это хорошая кошка».

Наконец, третья причина. Эффективность современного китайского государства. Это ясное представление о своем месте в истории. В каждый данный момент времени Китай знает, откуда и куда он идет. Перед началом реформ КПК провела пленум для того, чтобы подвести черту под периодом условно Мао Цзэдуна и наметить цели, стратегические цели развития. Вот для того чтобы провести этот пленум и согласовать решение, пришлось даже отложить на один год проведение XII съезда, на котором были поставлены вот эти стратегические цели. Это теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой. Оценка истории и своего места в истории происходит в Китае постоянно и последний пленум, который подвел черту под прошедшим историческим периодом, состоялся полтора года назад в 2021 году, накануне, за год до проведения XX съезда партии. Вот, на мой взгляд, из этих трех частей и состоит политическая формула китайской модернизации. А экономическая формула, на самом деле, это производная от этой политической формулы, и поэтому экономическая модель меняется.

Хочу — у меня уже закончилось время — не буду приводить пример. Всё, что я сейчас говорил, на самом деле, я говорил о России, но на китайском примере. Завершая, хочу сказать, что Дэн Сяопин был прав: модернизация всё время разная, у нее разные цели, неизменно только одно: модернизация как политика требуется сильного эффективного государства. В противном случае, она не будет успешной. Спасибо.

Юрий Тавровский: Андрей Владимирович, огромное спасибо. Я тоже узнал для себя тоже кое-что новое. Всегда надо учиться. Вы знаете, коллеги, Сергей Сергеевич Светлаков, ну мой старый знакомый, раньше я его воспринимал как специалиста по финансам, потому что мы вместе с ним участвовали в Пекине во встречах с очень влиятельными китайскими финансистами, руководителями финансового мира, который организовывал Сергей Юрьевич Глазьев. Сколько лет? Лет 10 назад, по-моему, начались попытки вот это бутылочное горлышко как-то разбить. Сергей Юрьевич уже тогда вел разговоры о переводе торговли на национальные валюты, интернационализации юаня. Но мы знаем, что из этого почти ничего не получилось, только сейчас начинает получаться. Но вот Сергей Сергеевич по возвращению в Россию, мы с ним стали встречаться в научных конференциях, и я понял, что его знания, его понимание Китая гораздо шире, чем финансовая область, поэтому я предоставляю с огромным удовольствием и с большим ожиданием микрофон Сергею Сергеевичу.

Сергей Цыплаков: Спасибо большое. Спасибо за приглашение. Вы знаете, уважаемые коллеги, конечно, последним выступать очень сложно, потому что я с интересом, на самом деле, без дураков, прослушал выступление своих коллег, и многие пункты мне

понравились. Андрей Иванович, допустим, очень подробно изложил историю периода реформ, периода модернизации, как сейчас говорят, это очень такая правильная вещь, которую надо знать тем, кто хочет разобраться в ситуации в Китае, вообще как-то определиться. Я бы поэтому просто хотел сделать несколько таких ремарок небольших.

Если говорить — у нас тема сегодня стоит «О применении китайского опыта в России», китайского опыта в модернизации. Ну если честно говорить об общем алгоритме, как китайцы осуществляли модернизацию, я думаю, что Россия, ну тогда еще Советский Союз, это время проехали.

Это было возможно, возможно, но правильно здесь Андрей Иванович рассказывал, что не поняли даже значение третьего пленума 11-го созыва. Потом, я это хорошо помню, Дэн Сяопина ругали, критиковали в советской прессе за правый уклон и так далее. Хотя надо сказать, что переходя к политике реформ и открытостям, Дэн Сяопин во многом опирался и на те наработки, которые были в Советском Союзе. Это период нэпа, это работы Бухарина, они были востребованы. В общем, они как бы их перерабатывали, естественно, на китайский манер, но они использовались. В то же время решение о переходе к политике реформ и открытости — это было разводом с советской моделью. Это безусловно, и он продолжался. Так вот если мы сейчас — ну уже прошлым больше 40 лет, даже больше уже, полвека скоро будет — если мы посмотрим на всю эту ситуацию, что, собственно говоря, решил третий пленум 1978 года?

Там был один пункт: перенести центр всей работы партии на экономическое строительство. Вроде казалось бы... И вот эта мысль о переносе центра тяжести на экономическое развитие, на экономическое строительство, она повторялась на всех съездах, на всех пленумах, которые состоялись после этого. То есть мы здесь видим очень большую последовательность. Если говорить о применении китайского опыта к условиям России, у нас же никто не заявляет, что национальной целью является осуществление модернизации. Этого никто не говорит. Мы никогда не говорим о том, что экономика должна быть в центре всей практической работы государства, правительства, президента в конце концов. Об этом тоже никто не говорит. Тогда о каком китайском опыте можно вообще говорить? Если мы посмотрим практически, как действовал Китай, мы видим, что всё было подчинено задаче развития, включая внешнюю политику страны. Ведь в период Дэн Сяопина, да и после уже ухода Дэн Сяопина,

Китай фактически подчинил свою внешнюю политику... Она оставалась, да, они говорили, что ду лей дзи джу — независимая, самостоятельная. Но она была в значительной мере подчинена интересам экономического развития, она была подчинена тому, чтобы создать максимально благоприятные условия для экономического развития. И совершенно неслучайно известный так называемый внешнеполитический завет Дэн Сяопина «держаться в тени, удерживать позиции, ничего не возглавлять» и так далее. Это же он не просто так сформулировал эти вещи. Он опять-таки исходил с точки зрения развития Китая. В целом я считаю, китайский опыт, конечно... Сильно различаются условия. Он мало

применим, хотя он мог бы быть применен. Мы видим, что, допустим, Вьетнам, страна похожая на Китай, и будем честно говорить, вьетнамская культура тоже испытала значительное китайское влияние, он успешно применил, по сути дела, своими некоторыми особенностями, но в целом он применил китайскую модель, добился успехов. В России, конечно, ситуация другая. Наш китайский коллега сказал, сейчас продвигается лозунг «модернизация китайского типа». И первая особенность — это страна с большим населением. Мы не можем, что Россия — страна с большим населением, если брать площадь страны, у нас 140 с чем-то миллионов человек, такая площадь. Может быть, даже поэтому слепо копировать какие-то китайские модели просто невозможно.

Что мы можем взять? Я уже сказал, это последовательность в проведении реформ. И конечно, то, что китайцы сумели перейти на программный метод, то есть стратегическое планирование в стране сохраняется. Другое дело, что эти планы уже не носят такого директивного характера, как это, допустим, было в Советском Союзе. И как это было в самом Китае в 50-е годы, в начале 70-х годов, этого нет, но основные задачи регионального развития... сейчас, в настоящее время реализуется целый ряд региональных программ. Программа развития так называемого Большого залива. Это включая Гонконг, Макао, часть территории провинции Гуандун. Это программа развития Центрального Китая. Это реальный центр ханьской цивилизации. Программа развития, скажем, районов Юго-Западного Китая, создание экономического коридора Чунцин — Чунду. То есть это как бы вещи, которые Китай реализует. И вот этот опыт, опыт пространственного развития, опыт реализации программ, он может быть вполне использован.

Что касается — несколько слов буквально — перспектив китайской модернизации, здесь об этом говорили. Тут надо отметить две вещи: во-первых, Си Цзиньпин как бы ускорил график проведения модернизации. Если мы посмотрим документы, которые принимались раньше, я имею в виду до Си Цзиньпина, то задача ставилась к середине века, имеется в виду к столетию со дня образования КНР в целом завершить модернизацию. Так ставилась задача. Си Цзиньпин практически изменил эту цель, он ввел промежуточный рубеж — 2035 год. К этому времени нужно завершить модернизацию в целом, и, наконец, середина века — 1949 год, когда нужно превратить Китай в могучую, прекрасную, мощную социалистическую модернизированную державу. Он ускорил этот процесс. Вот если мы посмотрим условия, в которых сейчас протекает процесс Китая, то мы видим, что они серьезно усложнились. Китайцы об этом, в общем-то, говорят, о том, что произошло серьезное усложнение внешних условий. Если Китаю, допустим, в 80-е годы, в 90-е годы, отчасти в 2000-е годы удавалось добиться более-менее благоприятных условий, внешних условий для осуществления модернизации, то сейчас этого нет. Китай, по сути дела, попал вместе с Соединенными Штатами Америки, они попали в так называемую ловушку Фукидида. То есть это борьба двух держав за мировое первенство. Притом, если мы посмотрим серьезные китайские экспертные оценки, то мы увидим, что они отдают себе, в общем-то, отчет в том, что эта ситуация будет не год, не два, она может занять достаточно длительные, с исторической точки зрения, период времени.

Естественно, вот эта конкуренция с Соединенными Штатами, вот эта борьба с Соединенными Штатами, она будет затруднять процесс модернизации. Собственно, американцы и не скрывают, что их задача — сдержать развитие Китая. Китаю будет очень сложно, потому что сохраняется серьезное отставание Китая в области технологий. Сами китайцы говорят о том, что слабо пока развиты первичные инновации, начальные инновации. Мы хорошо умеем делать от одного до 10, но плохо еще научились делать от нуля до единицы. Вот так говорит об этом. Поэтому вот эти задачи стоят. Я бы так сказал, что оценивая нынешнюю ситуацию... Ну здесь можно... Очень мало времени, я мог бы больше, конечно, сказать, но в целом, заканчивая свое выступление, хочу отметить, что оценивая нынешнее состояние Китая, его перспективы, здесь надо видеть, что как бы... надо оценивать их трезво.

Тут не надо смотреть на ситуацию в Китае ни через розовые очки и говорить только об успехах, потому что у страны очень много проблем, в том числе проблемы в экономике, и вот здесь Сергей Юрьевич Глазьев говорил об инвестициях — да, это есть, но в то же время есть и огромная внутренняя задолженность, которая дестабилизирует финансовую систему, это тоже имеет место. То есть не надо смотреть на Китай через розовые очки исключительно. Но в то же время не надо смотреть на Китай, чернить Китай, говорить о том, что у Китая всё провалиться, а то есть тоже направление: уже тут сколько лет реформы идут, всё мы ждем, когда Китай рухнет, экономика рухнет, а она всё не рухнет. Но тем не менее надо трезво оценивать.

Для России — тут я соглашусь с Андреем Ивановичем, привел цитату из Путина, в 2012 году еще, по-моему, написал: «Задача России — поймать китайский ветер в паруса российской экономики». И руководствоваться, если уж так прямо говорить, но руководствоваться словами Дэн Сяопина, который говорил, что чужие модели нельзя слепо переносить. Но это не значит, что их вообще надо отвергать. И точно так же, что касается западного опыта... Западный опыт китайцами очень тщательно отслеживается, не только отслеживается, он, где возможно, применяется. Возьмите, сейчас модная тема «зеленая экономика», энергетический переход. Давайте так, реально посмотрим: там же все наработки-то они берут американские, они берут все наработки Европейского союза. То есть это не отвергается.

И мы здесь тоже для себя... Потому что вот эти все крики... Ну я не буду сейчас вдаваться, крики о суверенности, о закрытости. Ну, знаете, это так можно закрыться так, что, вообще, мировое развитие пойдет как бы лесом, а мы будем тут сидеть и что-то сами выдумывать. Поэтому, еще раз заканчивая свое выступление, хочу призвать к трезвой оценке того, что происходит в Китае, да, там надо внимательно следить за тем, что происходит, и трезво оценивать эту ситуацию, и искать те возможности, которые открывает китайский рынок, развитие китайской экономики для России, для того, чтобы — сейчас будем прямо говорить: экономика России находится в очень сложном положении — для того, чтобы поддержать здесь экономику, поддержать население и поддержать в перспективе

экономический рост. Но если говорить о модернизации, Россия должна сама принять решение: что для нее главное. Какие-то там геополитические могут быть задачи либо задачи — это сосредоточиться на решении экономики. У меня всё, спасибо за внимание.

Юрий Тавровский: Большое спасибо, Сергей Сергеевич. Сергей Сергеевич сказал, что его выступление последнее. Это не так. У нас в прениях записалось еще несколько человек. И мы должны в четыре закончить, значит, поэтому, коллеги, просьба, какой-то такой сжатый регламент. Ну три минуты, ну максимум четыре. Владимир Николаевич Ремыга, доктор экономических наук. Владимир Николаевич, сидите, сейчас мы вам передадим микрофон, чтобы экономить время. Вот. У Владимира Николаевича не только научный опыт, но и практический опыт взаимодействия с китайским бизнесом. Как так повернуться, непонятно.

Владимир Ремыга: Я спиной к президиуму.

Юрий Тавровский: Владимир Николаевич, давайте лицом к президиуму. По советской традиции.

Владимир Ремыга: Я остановлюсь не на общих, может быть, вопросах, относительно частных в определенной степени, но на мой взгляд, чрезвычайно важных, без которых обойтись в сотрудничестве с Китаем невозможно. Ну вы как знаете, сейчас происходит глобальный процесс перестройки миропорядка, и человечество переживает эпоху революционных перемен. Это концепция внешней политики. В чем это проявляется на практике? Да это проявляется в том, что для нас с вами практически в настоящее время закрыт европейский и вообще западный рынок. Что делать в этих условиях? Всё довольно очевидно. И в этой концепции мы с вами понимаем, что есть потребность переориентироваться на Восток. А ждут ли нас на Востоке? Вот давайте зададимся этим вопросом. Не очень. Хотя, по большому счету, мы сталкиваемся с очень серьезной проблемой. Каким образом? Вот есть две составных части рынка: есть спрос, и очень большой, и есть предложение, достаточно серьезное. А как оно должно реализоваться? И это понимают.

Вот в настоящее время, я должен сказать, что есть очень серьезные структуры в России — ну в первую очередь, это Координационный совет по сотрудничеству с Китаем и современными странами Азии на базе бывшего института Дальнего Востока, где собраны, в этот Координационный совет, самые авторитетные специалисты по Китаю. И второе: создан в Академии наук специальный совет, который называется так. Прошу прощения, чтобы не ошибиться. Это совет по развитию транснационального развития Евразийского континента. Так вот. Что может произойти? Есть спрос, есть предложение. А прошу прощения, я сейчас остановлюсь на чуть ли не самом главном и коротко по этому поводу говорить. Попробуйте сейчас перевезти продукты какие-то определенные, которые пользуются спросом, в Китай. Замучаетесь. По большому счету, мы знаем, что в настоящее время очень серьезно работают вот эти структуры, о которых я говорил, над тем, что нужно сделать совместно с Китаем.

Я просто назову, какие проекты в настоящее время реализовываются для того, чтобы вот эту проблему, вот это противоречие, которое — неразвитость транспортно-логистической инфраструктуры — на наш взгляд, это чуть ли не одна из самых главных проблем, которую надо решить. И решить в самое ближайшее время. Вот в выступлении Путина недавно было сказано, что у нас в прошлом году впервые запустили в эксплуатацию два моста через Амур. Вдумайтесь только: мы жили с нашим ближайшим соседом, не имея ни одного моста через Амур. Вот только сейчас запустили, слава богу. Есть этот процесс, он идет. Я просто перечислю.

Юрий Тавровский: Владимир Николаевич, одна минута еще.

Владимир Ремыга: Хорошо, я постараюсь уложиться в эту одну минуту, потому что нужно просто как бы перечислить то, что мы собираемся делать. В выступлении Путина было сказано о развитии — впервые и очень четко, прямо — развитии Северного морского пути вместе с Китаем. Поверьте, что в настоящий момент если перекроют по понятным причинам южные маршруты, Китаю деваться будет некуда. По сути дела, самая главная возможность — спокойно, реально — Северный морской путь. Принято по этому поводу решение. Газопровод. Принято решение. Строительство автотрассы М-12 «Москва — Казань». Принято решение. Одним из наиболее ярких проектов, которым мы сейчас занимаемся, это строительство канала между Каспийским и Азовским морями, которое Азовское море стало внутренним морем России. Очень заинтересованы в этом проект китайские партнеры. Заканчивая. Перечисление этих важных проектов стоит на повестке дня. И, по сути дела, они носят несколько разноплановый характер. Мы предполагаем, что решить их — это те звенья, с помощью которых мы можем ускорить развитие наших отношений с Китаем. Спасибо.

Юрий Тавровский: Спасибо большое, Владимир Николаевич. Свой вклад в нашу дискуссию хочет внести господин Чень Джинь Юй, заместитель заведующего политическим отделом посольства КНР в... — А можно тот же микрофон передавать, а, коллеги? — посольства КНР в России. Господин Чень Джинь Юй с нами? Ну давайте. Вы пока идите сюда, а я тогда пока попрошу выступить Сергея Феликсовича Санакоева. Он, наверное, ближе. Вот он держит микрофон тем более. Сергей Феликсович тоже обладает колоссальным опытом взаимодействия... Я не понял, что? Нет, я уже объявил, что будет Сергей Феликсович, значит, будет Сергей Феликсович. Ну ладно, господин Чень Джинь Юй, пожалуйста.

Чень Джинь Юй: Можно выступить, да? Спасибо.

Юрий Тавровский: Нужно даже.

Чень Джинь Юй: Постараюсь выступить по-русски. Я изучаю русский язык для укрепления нашей дружбы.

Юрий Тавровский: У нас как-то нет трибуны для...

Чень Джинь Юй: Ничего. Сначала хочу... Нормально? Спасибо. Хотя неудобно, нахожусь в центре. Но попробую я сейчас здесь. Стараюсь выступить с речью по-русски.

Юрий Тавровский: Мы ждем ваше выступление с нетерпением.

Чень Джинь Юй: Да, позвольте высказать благодарность за очень успешную организацию данного круглого стола. Модернизация в китайском стиле — это очень интересная тема, но я думаю, что сегодняшняя тема немножко скромная. Потому что это опыт китайской модернизации для России. Но я считаю, что у нас есть общий язык по этой теме. Россия тоже независимая держава в мире. У нас, Китая и России, общие цели, общая задача — это защищать свой экономический и технический суверенитет. У нас собственные культуры, собственные цивилизации. Мы должны вместе работать. Недавно успешно совершил визит нашего председателя Си Цзиньпина в Россию, наши лидеры достигли новых больших договоренностей. Это будет, они создали новые правила развития наших отношений.

На этом фоне я с радостью замечу, что российские друзья проявляют большой интерес к перспективе развития современного Китая. Поэтому что такое китайская модернизация? Я так думаю, что это очень важное политическое решение Китайской коммунистической партии, которая отражает волю китайского народа. Что такое китайская модернизация? Я считаю, что эта модернизация отличается от модернизации в западном стиле. Это разрушает миф о западоцентризме. Это крупнейшая модернизация незападной страны. Китайская модернизация крупнейшей социалистической страны. Это разрушает миф о конце истории. В целом мы как стратегические партнеры, мы готовы с российскими коллегами, с российскими друзьями вместе продвигать обмен опытом в области управления государством, учиться друг у друга на пути к модернизации. И еще углублять китайско-российскую дружбу и сотрудничество. Еще раз желаю успехов нашему сегодняшнему круглому столу.

Юрий Тавровский: Большое спасибо. Сергей Феликсович.

Сергей Санаков: Да, спасибо. Я понял, что это правильное место.

Юрий Тавровский: Сергей Феликсович, заместитель председателя общества российско-китайской дружбы, ученый, аналитик и человек с 20-летним, 30-летним опытом взаимодействия с Китаем.

Сергей Санаков: Да, Юрий Вадимович. Я, конечно, не так долго, как уважаемые эксперты здесь, всего 30 лет, из которых 25 лет возглавляют российско-китайский центр, но все-таки, кроме аналитики, я занимаюсь конкретной практической работой, реализацией конкретных проектов, в том числе, кстати, и строительство делового центра «Парк Хуамин», и перевод наших контрактов в национальную валюту мы начинали в 2008 году. 15 лет назад. И создавали специализированную палату для того, чтобы поднять в нашей торговле машинотехническую продукцию и так далее. Поэтому я бы с вашего позволения вернулся бы сейчас конкретно к нашему названию нашей сессии, потому что, наверное, нам интересно, действительно, в чем опыт Китая может быть интересен для России сегодня. И это самое главное. Хотел бы два момента самых главных сказать. Во-первых, что изучить китайский опыт и использовать китайский опыт это не значит пойти китайским путем, это

значит пойти своим путем, в этом смысл китайского опыта. Они пошли своим путем. И нам надо идти своим путем. Причем каким своим путем? Который у нас уже был. Потому что сами китайцы когда слышат это, им бывает смешно: вообще-то, вы странные ребята, что вы выбираете? Это мы пошли тем путем, который Советский Союз нам показал. И это самое важное — нам надо возвращаться к нашим истокам.

Что касается основы экономического чуда. Я не согласен с тем, что это рыночный механизм. Рыночный механизм есть практически по всему миру, и в том числе мы в 1990 году кинулись в этот рыночный механизм. Чем он нам помог? Абсолютно ничем. Поэтому прямо надо говорить: основа — это социалистическая система управления, вот в чем смысл китайского чуда. И те 156 промышленных объектов, которые Советский Союз в 50-е годы построил в Китае — вот в чем основа китайского чуда. И нам надо возвращаться к социализму — вот это и будет опыт Китая. Понимаете, это самое главное, что мы должны сделать, вывод из этой сессии. Самый главный. Поэтому с учетом того, что времени мало, всё остальное я готов в индивидуальном порядке с вами еще обсудить. Спасибо большое.

Юрий Тавровский: Спасибо большое, Сергей Феликсович. И у нас еще записывался в прения Мухамед Рахимович Мадиван, он предприниматель. Мухамед Рахимович, вы с нами? Мухамед Рахимович может говорить, он говорит по-русски, но на самом деле он может говорить и по-китайски. Хотя на одном из диалектов китайского языка. На шиньсийском диалекте, поскольку его предки — китайские мусульмане — ушли после неудачного восстания против Цинского Китая в пределы Российской империи и поселились в Киргизии, да, нынешней?

Мухамед Рахимович: Да, в Киргизии, в Казахстане.

Юрий Тавровский: Этот народ называется «дунгане». В Советском Союзе они получили название «дунгане», они сохранили не только свой язык, они сохранили костюмы, блюда, обряды, хотя перешли на кириллицу. Представляете китайский язык, записанный кириллицей, со своей литературой, со своими газетами. И дунгане дали Советскому Союзу целую плеяду выдающихся людей. И сейчас в России живут и работают тоже выдающиеся дунгане, одним из которых является Мухамед Рахимович.

Мухамед Рахимович: Спасибо большое. Ну кроме того, что я представитель малого народа, на самом деле я представитель малого бизнеса России, то есть я являюсь сотрудником небольшой организации, которая оказывает услуги в сфере металлургии нашим большим комбинатам. И здесь очень, безусловно, все доклады для меня это много нового и интересного, но с практической точки зрения я понимаю, что для нас это очень далеко. Есть некоторые комитеты, есть желания, стремления бизнесов создавать какие-то совместные проекты, но для малого и среднего бизнеса практическая реализация идей на сегодняшний день, вероятность этого очень мала. И она связана с тем, что нам не хватает поддержки. И возможно, может быть после нынешнего форума кто-то услышит и решить создать. Поддержки, возможно, финансовой или больше такой логистически политической, потому что крупные корпорации... Например, я работаю в металлургии, и,

кстати, металлургия за последние 30 лет в Китае развилась настолько, что она обогнала нашу в 10 раз в цифрах — я не буду погружаться. То есть 30 лет назад мы выпускали примерно одинаковое количество стали. На сегодняшний день они выпускают в 15 раз больше.

И безусловно, есть чему там подражать и учиться, не только идти своим путем. То есть, безусловно, мы все любим Достоевского, но тем не менее и что-то от других надо подглядеть и себе взять. Так вот с практической точки зрения если бы кто-то нам подсказал много инициативных молодых или среднего возраста людей с достаточно хорошими идеями, но которые натываются на невозможность их реализации. И если бы в нашей стране появился некий форум, площадка, которая бы поддерживала этих людей, я думаю, что прогресс бы в нашей стране, может быть, был бы намного быстрее, нежели, чем он есть. Он, безусловно, есть. Я вижу по крупным организациям, как сейчас там налаживаются активные связи с Китаем. Упирается в логистические какие-то проблемы, еще что-то в том же духе, но в целом, помимо этих, для больших людей, для Си Цзиньпина и Путина, ниже, ниже, ниже. А мы-то где? Мы тоже хотим сделать что-то полезное, у нас есть этот потенциал, нужна площадка, которая позволила бы этому, может быть даже наполовину исчезающему среднему классу реализовать тоже свой потенциал, он однозначно есть. Спасибо. Извините.

Юрий Тавровский: Спасибо огромное. Мухамед Рахимович. Коллеги, ну вот время нашего круглого стола подошло к концу. Я думаю, что все узнали что-то новое, какие-то новые идеи. Я считаю, что эта дискуссия о применимости китайского опыта — мы фактически сделали сегодня премьеру, мы только начали это. Я думаю, что нужно будет продолжить и на площадке Московского экономического форума и на площадке, скажем, общества дружбы и другие организации тоже могут внести свой вклад. Я хочу сделать маленькую рекламную паузу. Не только Сергей Юрьевич написал книжку о китайском чуде. Но и я тоже выпустил только что свою книжку. Она, вы видели, наверное, она лежала при входе. Здесь больше акцент сделан, естественно, не на экономику, а больше на политику, потому что я считаю, что ключевую роль в китайском экономическом чуде сыграла Китайская коммунистическая партия, флаг которой и изображен на обложке этой книги. Большое всем спасибо, до новых встреч. Счастливо.